

Измestьев Сергей Владимирович

независимый исследователь,
практикующий юрист**ПРАВО НАРОДОВ
И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО
(ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЭВОЛЮЦИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)****Аннотация:**

В статье представлен анализ перспективных направлений эволюции права и государства как общественных институтов в условиях глобализации. Особо рассматривается влияние на право и государство глобализации человеческого общества, объединяемого средствами электронной коммуникации на базе социальных сервисов и дискуссионных площадок в сети Интернет, обозначенной автором как социомедийная глобализация. На основе идей И. Канта, Г. Кельзена, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса представлена концепция глобального частичного транзита суверенитета от населения национальных государств к глобальному социуму с передачей на глобальный (наднациональный) уровень высших законодательных и судебных полномочий, формирования высшего уровня глобального права (права народов, «основных норм») и глобального правосудия. При этом национальное законодательство предлагается привести в соответствие с нормами глобального права, права народов. За существующими странами целесообразно сохранить право нормотворчества, правоприменения и судопроизводства на национальном уровне в соответствии с положениями глобального права, признанными государствами. По мнению автора, такая вертикальная модель сдержек и противовесов между глобализованной законодательной и распределенной исполнительной властью в будущем обеспечит реализацию суверенитета глобального общества (глобального суверенитета), позволит защитить национальные интересы отдельных народов, создаст надежные механизмы противодействия узурпации. Упразднение национальных государств, предлагаемое многими идеологами глобализма, открывает путь к формированию глобального сверхгосударства, безразличного к интересам отдельных народов, и создаст предпосылки для глобальной узурпации власти и планетарной диктатуры. В реализации данной модели автор видит окончательное воплощение принципа верховенства (господства) права и установления единого нравственного закона для человечества и искусственного интеллекта, необходимого при совместном освоении кибернетического и космического пространства. Анализируется генезис форм общественно-политической активности в условиях становления глобального общества, рассматриваются возможные механизмы реализации прав населения на участие в глобальном самоуправлении, описываются принципы деритуализации, дебюрократизации и демократизации социального управления.

Ключевые слова:

глобализация, глобальная революция, право народов, транзит суверенитета, верховенство права, «глубинное» государство, сверхгосударство, активизм, политика, «ритуальное» государство

Izmestyev Sergey Vladimirovich

Independent Researcher,
Legal Practitioner**LAW OF NATIONS AND OUTLINES
OF THE FUTURE (PROSPECTIVE
TRENDS IN THE EVOLUTION
OF LAW AND STATE
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION)****Summary:**

The paper presents an analysis of promising trends in the evolution of law and the state as social institutions under conditions of globalization. It addresses the impact of the globalization of human society, connected through IT by social media and discussion sites, on law and state, referred to as "social-media globalization". Based on the ideas of I. Kant, H. Kelsen, J. Habermas and A. Giddens, the concept of global partial transit of sovereignty from the population of nation-states to the global society with the devolution to the global (supranational) level of supreme legislative and judicial powers, the formation of the highest level of global law (law of nations, "basic norms") and global justice is presented. Furthermore, the national legislation is proposed to bring into conformity with the norms of the global law, the "law of nations". Existing countries should retain the right to rule, enforce and adjudicate at the national level in accordance with the provisions of global law recognised by states. According to the author, such a "vertical" model of checks and balances between the globalized legislative and distributed executive powers in the future will ensure the realization of the sovereignty of the global society (global sovereignty), protect the national interests of individual nations, and create reliable mechanisms to counter usurpation. The author notes that the abolition of national states, proposed by many ideologues of globalism, would open the way to the formation of a global superstate, indifferent to the interests of individual nations, and create the conditions for global usurpation of power and planetary dictatorship. In the realization of the suggested model the author sees the final implementation of the supremacy of law principle and the establishment of a single moral law for the mankind and the artificial intelligence (AI) necessary in the joint exploration of cyberspace and interplanetary space. The paper analyzes the genesis of forms of socio-political activity in the face of global society formation, considers possible mechanisms of realization of the rights of the population to participate in global self-government, and describes the principles of deritualization, de-bureaucratization, and democratization of social government.

Keywords:

globalization, global revolution, law of nations, transit of sovereignty, supremacy of law, deep state, superstate, activism, politics, ritualistic state

В условиях глобализации многих отраслей общественной жизни современные государства переживают кризис утраты полномочий. Они неизбежно теряют возможность регулирования глобализуемых отраслей на национальном уровне. Это приводит к утрате государствами регуляторных полномочий в данных секторах. Развитые демократические страны объединяют усилия, делегируя часть суверенитета создаваемым ими наднациональным структурам, которые централизуют в своих руках регулирование глобальных сфер жизни общества: экономики, финансов, информационного обмена, культуры и образования.

Процесс глобализации идет по двум параллельным направлениям: национальная глобализация – объединение усилий государств и правительств для регулирования глобальных вопросов; народная глобализация – формирование единого сообщества людей на базе информационных и дискуссионных площадок в сети Интернет за счет расширения коммуникативного пространства [1], которую можно также назвать социомедийной глобализацией. Данный вид народной (социомедийной) глобализации получил развитие в начале XXI в. наряду с финансово-экономической глобализацией и интернациональной глобализацией правительств существующих государств (международных объединений и союзов стран).

Объединенное на основе информационно-коммуникационных технологий общество приобретает принципиально новое качество субъектности в политической сфере через самостоятельное определение и решение вопросов, затрагивающих его права и интересы. В процессе глобализации происходит установление информационного взаимодействия и диалога между всеми членами общества и разрушение государственной монополии на информацию. Словами Ю. Хабермаса – «расширяется коммуникативное пространство», в котором участники начинают одинаково реагировать на одни и те же события [2, с. 19]. Общество становится связанным и информированным, перестает нуждаться в представителях – политиках, часто коррумпированных, обслуживающих интересы финансово-экономических кланов, и в управленческой бюрократии (рудименте госуправления), преследующей личные цели. Наблюдаются неизбежное укрепление и развитие народной дипломатии в рамках социомедийной глобализации, формирование глобального общества и установление им своих глобальных «правил игры».

Несостоятельные и захваченные группами влияния государства подменяют утрачиваемые ими полномочия показательной, ритуальной деятельностью бюрократических структур, насаждают идеологию фундаментализма и изоляционизма. Возникает феномен «ритуального» государства. Его особенностью является целенаправленное ограничение властными структурами прав граждан на участие в глобальном информационном обмене и свободном выражении мнения в сети Интернет путем ограничения доступа к самой сети либо преследования за свободу выражения мнений в ней. Это делается с целью оторвать граждан от неизбежного процесса народной (социомедийной) глобализации – образования качественно нового целостного мирового общества на основе расширения коммуникативного пространства, связанного информационным обменом и диалогом в социомедийном пространстве Интернета.

Стремление общества к народной глобализации и глобальному самоуправлению и способность к глобальному протесту являются составляющими глобальной революции. Под данным термином можно понимать рост самосознания глобализованного общества в стремлении к самостоятельному решению жизненно важных глобальных вопросов и защите прав и свобод человека, в том числе на свободное участие в глобальном обмене информацией [3].

Глобальная революция ставит общество на путь защиты своих прав от посягательств со стороны правительств и политических режимов как отдельных «ритуальных» государств, так и международных политических, финансовых и экономических групп, преследующих интересы, противоположные запросам глобального общества, препятствующих его формированию и развитию. Главным противником становления глобального общества являются глобализованные политико-экономические группы, стремящиеся навязать социуму свои корыстные или преступные интересы в глобальном масштабе – установить глобальный миропорядок, основанный на подавлении, пропаганде и тотальном контроле. Инструментарием организации такого миропорядка выступают подконтрольные им СМИ, интернет-гиганты и механизмы контроля над личностью с использованием информационно-коммуникационных технологий («цифровой концлагерь»). Проводниками такого «нового миропорядка» нередко служат политические режимы захваченных национальных «ритуальных» государств, рассматривающих это как средство сохранения своих властных и экономических привилегий путем встраивания своих стран в подобный миропорядок [4].

В противостоянии сторонников открытой и теневой глобализации происходит трансформация государства и права как ключевых социальных институтов современности. Прогноз дальнейшего развития этих основополагающих институтов общества в последние годы является центральным вопросом исследования правоведов, социологов, философов и политологов, так как полученный ответ определит своеобразные контуры будущего нашей цивилизации.

В 2019 г. на основе широкого анализа работ классиков европейской мысли и ведущих европейских ученых XIX и XX вв. британский исследователь Б. Джессоп опубликовал монографию «Государство: прошлое, настоящее и будущее» [5]. В данной работе он выделяет главные признаки государства через трехэлементный подход континентальной европейской традиции – конституционной, юридической и теории государства – к определению понятия государства посредством его трех следующих обязательных элементов:

1) политически организованный репрессивный, административный и символический аппарат, наделенный и общими, и специфическими полномочиями (государственная власть, государственный аппарат, государственный суверенитет);

2) четко ограниченная основная территория, находящаяся под более или менее бесспорным и постоянным контролем государственного аппарата (государственная территория);

3) постоянное или стабильное население, для которого политическая власть и решения государства (государственного аппарата) являются обязывающими [6, с. 72].

Сам институт государства, определяемый через обладающий правом насилия аппарат, по происхождению связанный с защитой территории и межнациональной конкуренцией, проходит следующие условные этапы развития:

– оборонительные государства – ранние государства племен или народов, создававшие наделенный правом насилия государственный аппарат, способный в случае необходимости организовать противодействие внешним или внутренним угрозам путем мобилизации ресурсов и населения;

– экспансионистские государства – государства народов или наций, обладающие регулярной военной и полицейской силой, направленной на захват территорий и ресурсов других государств и обеспечение на захваченных территориях своего постоянного господства;

– охранительные государства – государства, обладающие регулярной военной и полицейской силой, используемой для обеспечения управления на его территории, защиты территории от внешних посягательств и сохранения существующего порядка управления.

По способу реагирования на вызовы глобализации современные государства можно подразделить на следующие:

– глобализуемые – государства, активно делегирующие часть своего суверенитета наднациональным структурам управления, участвующие в создании и деятельности таких структур;

– «ритуальные» – государства, замыкающиеся в развитии и маскирующие утрату в связи с глобализацией своих управленческих полномочий бюрократическими ритуалами и церемониями.

Предложенное Б. Джессопом трехэлементное определение государства неслучайно не включает в себя сформулированный К. Шмиттом на основе взглядов Т. Гоббса и Ж. Бодена признак государственного суверенитета – обладание государства (его аппарата) всей полнотой власти на своей территории, независимостью в принятии решений, абсолютной свободой действий, неподчиненностью и неподзаконностью во внутренней и внешней политике [7]. Размышляя о суверенитете, Ж. Боден имел в виду абсолютную власть монарха, исходящую от Бога, а К. Шмитт понимал под термином «суверен» того, «кто принимает решение о чрезвычайном положении», кто приостанавливает или отменяет действие законов [8, с. 75].

С такой категоричной характеристикой государственной власти трудно согласиться хотя бы потому, что не все в мире и обществе регулируется писаным правом или законом. Это изначально признавал Ж. Боден в труде «Шесть книг о государстве», исключая из суверенитета вопросы религии, морали и семейных отношений [9]. Кроме того, исторически объем независимости правителей не всегда был абсолютным. В Средневековье это были полномочия, соответствующие месту правителя в феодальной иерархии, а абсолютным сувереном признавался только глава Римско-католической церкви.

Взгляды Ж. Бодена о неограниченной воле суверена отражали идеальное видение государства абсолютными монархами после заключения Вестфальского мира в Европе 1648 г. По его мнению, «суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства над гражданами и подданными, не связанная никакими законами» [10]. Эта абсолютистская концепция нашла концентрированное выражение в словах французского монарха Людовика XIV, заявившего в 1655 г. парламенту Франции: «Государство – это я» [11]. Разумеется, концепция Ж. Бодена, также в свое время известного обоснованием преследований ведьм, об «абсолютном суверенитете», а тем более теория «децизионизма» (от лат. – «решимость», примат воли правителя над законом и обществом) К. Шмитта пришлись по душе тиранам и диктаторам различного толка от А. Гитлера до современных диктатур третьего мира как оправдание произвола и насилия, возводимого государственной машиной в закон. В такой трактовке суверенитет из народной воли, реализующей закон, превращается в своеволие правителя, грозящее перерасти в произвол – внутренний террор или внешнюю агрессию – войну.

Следует согласиться с классической европейской концепцией Б. Джессопа более точного определения государства, основанного на положениях научного труда Г. Кельзена «Чистое учение о праве» [12], развивающего философские идеи И. Канта. Ключевыми элементами государства Г. Кельзен называет население, территорию и государственную власть. Под последней он также предлагает понимать «принудительный порядок, причем централизованный принудительный порядок, с ограниченной территориальной сферой действия» [13, с. 72]. Саму суть государства он сводит к возникновению легального порядка принуждения к исполнению правовых норм, к легализованному аппарату такого принуждения: «Поскольку правопорядок есть принудительный (в указанном смысле) порядок, то его можно описать с помощью предложений, согласно которым при определенных (т. е. определенных правопорядком) условиях должны быть осуществлены определенные (т. е. определенные правопорядком) акты принуждения» [14, с. 77].

Таким образом, в понимании Г. Кельзена, государство – принудительный механизм обеспечения правомерного поведения, из права исходящий и им же определяемый, от него неотделимый. В соответствии с этим раскрывается и смысл суверенитета – как реализации воли народа, принимающего законы и им же следующего (согласно модели народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо и Ш.-Л. Монтескье). Следовательно, государство как общественный институт неотделимо от права и основывается на нем.

Еще И. Кант в работе «К вечному миру» предрекал единство мирового права, формирующегося из актов международного торгового права, межгосударственных договоров и соглашений и актов единого человеческого сообщества, уже сегодня объединенного социомедийной глобализацией: «Правовое устройство в отношении лиц, к нему причастных, таково:

- 1) устройство по праву государственного гражданства людей в составе народа (*ius civitatis*);
- 2) устройство по международному праву государств в их отношении друг к другу (*ius gentium*);
- 3) устройство по праву всемирного гражданства (*ius cosmopolitanum*), поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимовлияющих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства» [15].

Развивая данные положения, Г. Кельзен предлагает идею иерархии права в национальной системе, где низшие нормы вытекают из высших. Высшая ступень – это конституция, которая черпает обязательность непосредственно в «основной норме». Следующая ступень в иерархии – законы и общие нормы. Они устанавливаются в указах, распоряжениях или обычаях. Низшая ступень – индивидуальные нормы, судебные и административные нормы для решения дел.

При этом источник права – «основную норму» – он видит в высшей надстройке – международном праве, по отношению к которому национальное право – совокупность государственных правопорядков под эгидой международного права: «Государственный правопорядок может пониматься как делегированный международным правом и подчиненный ему; тогда государственное право оказывается частичным правопорядком, включенным в универсальный мировой правопорядок. Существование нескольких государственных правопорядков в пространстве и во времени оказывается возможным лишь благодаря международному праву. Это означает примат международного права» [16, с. 407–408].

Исходя из этого, закономерный генезис права Г. Кельзен видит в установлении мирового правопорядка на основе добровольного подчинения государств органам международной юрисдикции. Анализируя диалектику развития института права, он отмечает: «Пропорционально степени, в которой международное право вторгается в те вопросы, которые до этого нормировались только правопорядком отдельного государства, должна усилиться тенденция международного права к прямым обязыванию и управомочиванию индивидов. В той степени, в которой развивается данная тенденция, индивидуальная ответственность за виновное поведение должна прийти на смену коллективной ответственности за невиновное поведение. Одновременно должно продолжиться заметное сегодня только в рамках партикулярных международно-правовых сообществ образование центральных органов для создания и реализации правовых норм. Как и в процессе развития государственного правопорядка, здесь централизация сначала распространяется на судопроизводство и затем ведет к образованию международной юстиции. <...> Все описанное здесь развитие юридической техники в итоге обнаруживает тенденцию к стиранию пограничной линии между международным правом и государственным правопорядком. В этой перспективе в качестве конечной цели реального правового развития, направленного на все усиливающуюся централизацию, предстает организационное единство универсального мирового правового сообщества» [17, с. 397]. Признаком верховенства и универсальности международного права Г. Кельзен называет его обязательность на практике по отношению ко всем правоотношениям и государствам, вне зависимости от акта признания ими его норм [18, с. 404]. Таким образом, он предлагает трактовать «юридическое бытие отдельных государств лишь как частичные правопорядки, входящие в международное право» [19, с. 418].

Под человеческим обществом («всемирным гражданским объединением» И. Канта [20]) сегодня следует понимать организованное и объединенное социомедийной глобализацией глобальное общество, возникшее вследствие расширения коммуникативного пространства (о чем говорит Ю. Хабермас). В этом смысле под кантовским *ius cosmopolitanum* просматриваются нормы мирового права, «принимаемые всеми в перспективе каждого» [21, с. 99].

В современных условиях источником и обладателем суверенитета признается народ, население государств, а правительства связаны в своих решениях сетью международных договоров и обязательств, моралью и традициями общества. Предложенная конструкция предполагает, по сути, описание генезиса суверенитета, его дальнейшего транзита от национальных обществ к глобальному обществу по мере его становления и развития.

Таким образом, делегирование государствами на основе воли населения, выраженной им непосредственно или через законодательные органы, права принятия глобальных законов образуют ими наднациональным законодательным органам, как и подчинение таким глобальным законам, их главенство над правом национальным, не упраздняет сами государства, а лишь выводит их на качественно новый уровень развития. При этом суверенитет гарантирован их населению правом участия в глобальном законодательстве как непосредственно, так и путем избрания представителей в глобальные нормотворческие органы. Такова сегодня реальность Европейского союза, не умаляющего сущности и суверенитета стран Европы.

Сущность и обязанность органов государств сохраняется в национальном законодательстве и правоприменении, принуждении на основе права, они обязаны действовать, будучи избираемыми народами, подконтрольными им и подчиненными закону, на высшей ступени иерархии которого «высшая норма» (Г. Кельзен), *ius cosmopolitanum* – право народов (И. Кант), «нормы, принимаемые всеми в перспективе каждого» (Ю. Хабермас).

В предложенной конструкции сохранение глобализованных национальных государств, неслияние их исполнительной власти в сверхгосударство мирового масштаба создают естественные вертикальные сдержки и противовесы от глобальной узурпации, «самого ужасного деспотизма», по словам И. Канта [22, с. 103]. Так создается распределенный миропорядок будущего.

Следует полагать, что современный кризис государства как социально-политического института связан прежде всего с недостаточным, затянутым процессом участия в глобализации и делегировании полномочий на наднациональный уровень, слишком медленным формированием глобального права народов.

Отдельной проблемой являются государства, не желающие участвовать в этом закономерном процессе, становящиеся на путь ритуализации своих утрачиваемых полномочий. Теряющие смысл за отсутствием предмета регулирования «ритуальные» органы государств активно деградируют: заменяются структурами так называемого «глубинного» государства, представляющего интересы глобализованных финансовых и промышленных групп, силовых и бюрократических содружеств и международной мафии. Термин «глубинное государство» обычно подразумевает сплетение коррумпированных секретных служб, политиков, чиновников, организованной преступности и террористов, а также финансово-промышленных кланов, перехватывающих с использованием легальных и нелегальных механизмов каналы управления государством и обществом. Успех структур «глубинного» государства в ускоренном захвате отдельных государств объясняется их высокой глобализованностью: наличием централизованных перераспределяемых финансовых ресурсов, подпольной кассы. Связанные общими интересами, эти теневые игроки активно выстраивают необходимый им «новый мировой порядок», ускоренно сливаясь в «глубинное» теневое сверхгосударство, образуемое сетью коррумпированных исполнительных органов захваченных стран, цель которого – глобальное подавление демократии и прав человека, монополизация власти и информации, тотальный контроль над обществом. Механизмы этого «нового миропорядка» сегодня активно апробируются на периферии цивилизованного мира в виде азиатской модели «цифрового гетто», «колонизации» киберпространства. Таким «новым мировым порядком» активно насаждаются модели современной автократии, подаваемые обществу как более эффективные системы управления в кризисных ситуациях, где роль диктаторов исполняют манипулируемые теневым сверхгосударством продажные и зависимые политики.

Существующие государства представляют исключительный интерес для захвата подобными структурами в связи с возможностью применения к обществу от их имени мер принуждения и насилия как внутри стран, так и во внешней политике. Это ведет к тому, что «многие государства постоянно нарушают требования собственного законодательства – будь то открыто или за завесой государственной тайны, внутри страны или за рубежом, – опираясь на сочетания террора, силы, обмана и коррупции при отправлении власти», – констатирует со ссылкой на работы более 20 признанных ученых мира Б. Джессоп [23, с. 75].

Своеобразным маркером этого процесса являются нападки подобных государств на права граждан свободно участвовать в глобальном информационном обмене и выражать мнение в сети Интернет, которые требуют срочной международно-правовой защиты на мировом уровне путем дополнения соответствующими нормами Всеобщей декларации прав человека [24]. Еще в 1968 г. советский ученый и мыслитель А.Д. Сахаров обозначил эту проблему: «Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли – единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру» [25]. Замещая утрачиваемые полномочия бюрократическими ритуалами для поддержания власти, диктатуры прибегают к репрессиям и публичным расправам над оппонентами, носящим при освещении СМИ характер коллективных медиаритуалов (ритуального террора).

Под влияние авторитарных режимов часто попадает и правовая наука. Идеологи абсолютизации роли государства подвергают сомнению такие базовые ценности современного общества, как демократия, права человека и принцип сдержек и противовесов в системе разделения властей. Например, одним из известных правоведов постсоветского пространства открыто ставится под сомнение ценность и приемлемость «демократии как формы организации и функционирования государственной власти» [26, с. 115], обязанность государства «защищать интересы отдельной личности» [27, с. 79]; органам исполнительной власти предлагается вручить суверенитет и «главенствующую роль в государственных системах» [28, с. 56]. Он приходит к выводам о неизбежном элитарном характере власти, признавая, однако, при этом «объективную направленность исторического процесса на углубление глобализации» [29, с. 8].

Захватившие государства группы влияния активно эксплуатируют теорию элит, противопоставляя ее принципам народовластия. Такой подход был отчасти исторически обоснован там и тогда, когда узкий круг причастной к государству элиты обладал монополией на информацию и ее распространение. Социомедийная народная глобализация, сделавшая доступ к информации и ее обмену подлинным достоянием общества, перечеркнула подобные доводы.

Таким образом, единственной действенной альтернативой глобальной теневой диктатуре, аккумулирующей в своих руках новейшие технологии и возможности захваченных ею государств, грозящей привести «к самому ужасному деспотизму» планетарного масштаба [30, с. 103], является централизация правотворчества на наднациональном уровне, распространение глобальных законов и контроля за их исполнением на отдельные государства с сохранением за ними функций законодательства, правоприменения и суда на национальном уровне. Это и есть глобальный транзит суверенитета на наднациональный уровень, его реализация населением государств в виде непосредственного участия в глобальном законотворчестве и избрании представителей в глобальные законодательные органы.

Такая модель положит конец всевластию региональных элит, влиянию финансовых, преступных и бюрократических кланов, поставив исполнительные органы государств в подчинение нравственному закону и под судебный контроль глобального общества, на этом законе основанный.

Поскольку никакая сила не способна снова разорвать общество на несвязанные фрагменты и вернуть технологии на уровень «безобидных войн» прошлого, альтернатива состоит не в глобализации или ее отсутствии, а в вариантах глобализации: открытой – народной, либо теневой – преступной.

Британский социолог С. Фуллер, автор бестселлера «Постправда. Знание как борьба за власть», причиной нарастающей аполитичности молодых поколений называет тот факт, что «смысл "политического" постепенно смещается в такие области, которые ставят под сомнение способность государства в принципе действовать эффективно. Это те области человеческой жизни, где государство просто бессильно что-либо сделать» [31]. Глобализация размывает классическую национальную политику, вознося решаемые ею задачи на более высокий глобальный уровень.

В условиях глобализации происходит процесс централизации политики, когда она перестает носить агрессивный деструктивный местнический характер борьбы между отдельными народами и государствами. Централизация политики снимет противоречие между общими глобальными интересами общества и интересами правящих режимов отдельных государств, международных групп влияния, обслуживаемых профессиональными лоббистами-политиками. Для самих политиков их деятельность сегодня – борьба за самосохранение как привилегированного сообщества, элиты в государствах.

В XIX–XX вв. произошел «перехват» народного суверенитета у органов народного представительства новообразованной финансово-экономической элитой посредством внедрения в представительные органы профессиональных политиков-лоббистов, фальсификации выборов и окончательного отстранения от управления обществом духовной власти – церкви – через модель

светского государства. Сам русскоязычный термин «светское государство» точно определяет характер захвата власти элитами. Это не народное, не духовное государство, а государство «света общества» – элиты. Таким образом, государство с его принудительными властными полномочиями в XX в. окончательно оторвалось от интересов общества и духовных основ и оказалось инструментом в руках глобализованной финансово-экономической элиты, поддерживаемой бюрократическими и мафиозными кланами.

Цели классической политики – захват и сохранение власти над обществом. Это инструмент конкуренции, вырождающийся в дискриминацию и агрессию и в конечном счете в войну между народами, которая, по К. фон Клаузевицу, есть не что иное, как продолжение политики [32]. Согласно К. Клаузевицу, войну нельзя считать самостоятельным, не зависящим от общественного развития явлением. Она – политический акт для достижения политической цели, вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами: «Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений» [33].

И. Кант писал, что «вызываемые войной опустошения, а еще в большей степени необходимость быть всегда к ней готовым задерживают развитие природных задатков, но зато бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности» [34].

Предотвращение глобального военного конфликта в эпоху ядерного противостояния сверхдержав – вопрос выживания человечества как цивилизации и биологического вида, что подтверждается расчетами ученых о возможных фатальных последствиях современной ядерной войны в виде глобальной ядерной зимы и гибели человечества из-за голода [35, с. 265].

Основным условием самосохранения цивилизации является достижение мира и справедливости. Предотвращение войны и обеспечение «вечного мира», предвосхищенного И. Кантом, на современном технологическом этапе – вопрос общего выживания. «Вечный мир» невыносим без объединения, ибо «разобщенность человечества угрожает ему гибелью. <...> Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций – безумие, преступление» [36].

Достижение «вечного мира» требует не только централизации политики, замены ее активизмом (добровольчеством), но и широкой общественной кампании по переоценке исторического наследия, содержащего признаки агрессии, эксплуататорства и диктатуры. Примером может служить современное массовое движение по осуждению общественных деятелей прошлого, причастных к расизму, колониализму и рабовладению, развернувшееся в США и странах Европы.

Наряду с «вечным миром» справедливость – высшая естественная потребность духовного существа к гармонии и равновесию в отношении с миром, выраженная в понятии о должном, содержащем в себе требование соответствия деяния и воздаяния. Дж. Ролз во всемирно известной работе «Теория справедливости» определяет ее через равенство свобод и возможностей в обществе [37]. «Ген» справедливости – врожденная «частица Бога» – живет в каждом человеке с рождения вне зависимости от его воспитания и социальной среды. Чего нет в иной тварной, животной среде, за исключением высших приматов. Это подтверждается трудами ученых-генетиков, утверждающих, что «есть основание считать – в наследственной природе человека заложено нечто такое, что вечно влечет его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению. ...Огромные, хотя противоречивые потенции к совершению добра, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания также и в его наследственной природе, куда вложены они действием особых биологических факторов, игравших существенную роль в механизмах естественного отбора, в процессе эволюции наших предков» [38]. Таким образом, справедливость наряду с миром выступает основополагающей потребностью человека, поскольку отсутствие справедливости способно сподвигнуть личность не только на добровольные лишения, но и на осознанное самопожертвование, заставить переступить через любые базовые потребности, сформулированные таковыми. Без включения потребности в справедливости предложенная А. Маслоу пирамида потребностей личности [39] лишена основания. Говоря о праве как о выражении категорического императива, И. Кант писал: «Если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [40, с. 256].

Мир, справедливость и свобода общения – основные универсальные принципы формирования «основной нормы», права народов, глобального права.

Строительство безопасного и справедливого будущего предполагает не только глобализацию, но и разгосударствление и интернационализацию политической системы, политического процесса и самой политики. Это, по словам Б. Джессопа, характеризуется «сдвигом от правительства к управлению» и выражается «в сдвиге от главной роли власти к большему акценту на обходящее стороной государственную власть управление или самоуправление на различных

территориальных уровнях и в функциональных сферах», где государства «остаются первыми среди равных» [41, с. 376–378]. Политика как профессиональная деятельность вырывается из «кристаллической решетки» бюрократии и обретает опору в инициативах общества. Как в реформах управления бизнесом, здесь приемлем принцип Нитаносгасу (человекокрагии), проявляющийся в дебюрократизации и поощрении рядовой инициативы, предложенный в 2019 г. для бизнес-управления Г. Хэмелом [42]. В этом контексте можно говорить о перерождении классической политики в активизм – добровольное и бескорыстное участие граждан в решении вопросов глобального значения путем принятия общих норм и подходов к их решению, деятельной и инициативной поддержки глобальных форумов и объединений в данной сфере. Отличие активиста от политика заключается в непрофессиональной деятельности, отсутствии стремления к занятию властных должностей. Награда – авторитет и общественное признание. Нитаносгасу активизма выражается в отсутствии бюрократической структуры и иерархии у всемирных движений, возможности каждого сторонника доводить до всех и каждого свои инициативы, не требовать ведомственной санкции на их реализацию. Сегодня это видно в мировых движениях активистов, которые начинают формировать контуры глобальных социальных движений будущего.

На фоне неспособности или нежелания отдельных правительств решать глобальные проблемы своими силами, неумения политиков согласовывать общие действия, направленные на решение общих проблем, в рамках международных организаций уже сегодня возникает феномен глобального самоуправления. Под этим явлением можно понимать способность и желание глобального сообщества самостоятельно и под свою ответственность решать жизненно важные вопросы его существования и развития. Признаками глобального самоуправления можно считать возникновение всемирных форумов и движений активистов в сфере защиты прав человека и окружающей среды. Единое общество не нуждается в представительстве, информационной манипуляции и множестве центров принятия решений. В нем пропадают межнациональная и межэтническая конкуренция, дискриминация и борьба, свойственные политике, нарождается единый послеполитический мир, основанный на уважении, равенстве, терпимости и стремящийся к «вечному миру», свободе и справедливости.

Конечной целью глобальной революции является возвращение суверенитета его источнику – народу и религии как выразителю божественного начала общества, устранение политики как средства агрессии и подавления для установления глобального мира и справедливости в обществе, обеспечения его устойчивого развития в благоприятной духовной, социальной и экологической среде.

Нужно признать, что создание обществом и государствами полноценных наднациональных структур, способных к принятию норм права, – сложный и долговременный процесс. Так или иначе, это не будет новым для цивилизации процессом. Тысячи лет назад человечество сформировало мощные наднациональные религиозные объединения, имеющие колоссальный опыт общественного и правового регулирования, незаслуженно отодвинутые от управления обществом государствами современного (вестфальского) типа. По мнению С. Фуллера, смысл Вестфальского мира 1648 г., узаконившего современные национальные государства, состоял в том, чтобы лишить влияния транснациональные религии (Trans-National Religions). Он отмечает: «Многовековая проблема религии для государства заключалась в том, что ее доктрины всегда побуждали людей думать о себе в терминах, противоречащих целям государства» [43]. В данном контексте это относится к христианству, исламу, иудаизму и буддизму. «Вестфальское» государство решило не ограничиваться статусом «порождения Божественного замысла», оно захотело занять место Создателя. Окончательно отринув религиозные начала в XX в., оно не смогло противостоять естественным процессам глобализации, но поплатилось тем, что в них не отразились базовые духовные ценности, хранимые традиционными религиями.

Именно традиционные транснациональные религии должны пережить пробуждение и привести сохраненные духовные ценности в основу и глобальные законы послеполитического будущего.

Если на уровне сообщества государств существует их всемирное объединение – ООН, то формируемому глобальному обществу предстоит значительный этап самоорганизации. В обоих случаях это должен быть взаимозависимый и взаимодополняющий процесс. Большую роль в нем играют социомедийная глобализация и медиатизация политики, которые позволяют при помощи современных технологий успешно применять механизмы прямой демократии и обратной связи.

Сама история возникновения государств из вождистских обществ древности носила характер преодоления «пространственно-временных и административных ограничений» [44, с. 252], связанных с необходимостью передачи управленческой информации на большие расстояния. Именно из этих ограничений вырастали инфраструктура и логистика власти и управления, позволяющие контролировать удаленные территории и участвовать в управлении их жителями.

Представительная демократия, первоначально будучи аристократической, сменила формы непосредственной демократии (сходы, вече, собрания), решила вопрос об уровне образования народных представителей и предложила логику реализации представительских полномочий.

Еще немецкий мыслитель начала XIX в. В. Гумбольдт отмечал, что «по мере того как люди становятся все более образованными, они могут “принимать законы самостоятельно” <Self-Legislate – понятие И. Канта>, не делегируя это избранным депутатам, которые якобы “лучше знают”» [45]. В таком случае необходимость в классе профессиональных политиков, которые представляют народ, отпадает. Сегодня информационно-коммуникационные технологии дают уникальный шанс для возврата прямых форм народовластия: референдумов, опросов, петиций, обеспечивая каждому доступность для непосредственного участия в них и информированность о принимаемых решениях.

На смену устаревшему и скомпрометированному профессиональными лоббистами парламентаризму активно приходит электронная демократия, позволяющая не только обеспечить быстроту и репрезентативность голосований, обсуждений, но и значительно снизить стоимость данных процедур. Ее ценность заключается в идеальном сочетании с принципом Нутапосгасу за счет отсутствия бюрократических барьеров при выражении мнений. Преимущества прямой электронной «сетевой» демократии, принципы и методы ее реализации в сравнении с существующими представительными органами хорошо описываются в уникальной работе «Облачная демократия», вышедшей в России в 2014 г. [46]. Предлагаемые ее авторами модели непосредственной (прямой) электронной демократии, безусловно, заслуживают воплощения в жизнь. При этом нужно учитывать ряд значимых факторов риска: невысокую избирательную активность граждан и возможность элементарной скупки их голосов заинтересованными группами. Абсурдно надеяться, что без верховенства высшего морального закона цели и задачи деятельности государства будут полностью подчинены интересам общества, что без реформирования действующей политической системы нереально, как и решение многих вопросов сугубо на национальном уровне.

Прямая электронная демократия – идеальный инструмент выражения воли глобального сообщества – может быть успешно реализована как на государственном уровне, так и на межгосударственном и наднациональном (глобальном). Особенно важно, что инициаторами подобных процедур и систем голосования могут и должны выступать наднациональные общественные движения активистов, их форумы, союзы и объединения.

Это не новая форма демократии, а закономерный возврат к общинным соборам и сходам прошлого на новом историческом этапе. Некогда разорванное на части политиками и государствами общество благодаря связанности, информированности и образованности (за счет сокращения языкового барьера: уровень образования, средства электронного перевода в сети) вновь обретает черты единой человеческой общины, способной самостоятельно возвысить свободный голос в защиту своих интересов в стремлении к «вечному миру» и справедливости.

Прямая глобальная демократия наряду с международными договорами и конвенциями может стать стартовой площадкой для зарождения и принятия высших норм всемирного права народов, прежде всего глобальной конституции, хартий, деклараций, норм глобального планетарного права, принимаемых всеми в перспективе каждого. Легитимность данных норм может быть обеспечена массовостью их принятия и признанием на глобальном уровне через постепенную ратификацию парламентами национальных государств и их объединений, союзов, международных организаций, что обеспечит их исполнение средствами национальных правительств и международного воздействия.

Глобализация в социальной, экономической и культурной сферах подлинным образом преобразует разделенное границами человечество в единое общество, обретающее качества связанности и субъектности в управлении вопросами своего существования. Данный процесс имеет глубокие исторические корни, он начался с момента первых встреч между племенами первобытных людей. Технический прогресс последних столетий ускорил формирование единого человеческого социума. Однако главный фактор катализации этого процесса – близость освоения человечеством планет Солнечной системы. Момент ближайшего будущего, когда многие из людей уже с поверхности Марса смогут увидеть нашу планету маленькой синей точкой на просторах космоса, вызовет у человечества эффект «сингулярности самосознания», сжатого в точку осознания единства человеческой расы. Подобный эффект наблюдался при формировании европейских наций в эпоху Великих географических открытий. Эти процессы будут иметь значение и для ускорения формирования глобального планетарного права, нормы которого необходимо будет распространить на территории земных колоний осваиваемых космических тел, таких как Луна и Марс. Правовые аспекты управления ими уже сегодня активно обсуждаются лидерами косми-

ческой отрасли, в частности SpaceX, чей глава И. Маск продвигает идеи отказа от международных законов Земли на Марсе, где, по его мнению, будут «установлены принципы самоуправления, направленные на процветание будущей колонии» [47].

Анализируя процессы развития общества в условиях глобализации, можно выделить ключевые направления и перспективы эволюции таких социальных институтов, как государство и право, которые являются своеобразными контурами будущей социальной организации общества до конца текущего XXI века. Основными направлениями трансформации государства и права можно считать следующие:

- формирование единого глобального общества как субъекта международной политики и носителя высшего суверенитета за счет развития информационного обмена (диалога) в социомедийном пространстве (социомедийной глобализации);

- появление глобальных общественных объединений (движений) на базе принципа активизма и вытеснение (или поглощение) ими классических политических объединений на национальном уровне с постепенным отрицанием обществом политики как таковой (антиполитика);

- дальнейшее формирование развитыми государствами мира наднациональных законотворческих структур управления обществом с привлечением к их работе глобальных общественных объединений (движений) активистов и религиозных объединений;

- укрепление верховенства международного права над национальным правом;

- дальнейшее развитие международной юстиции и средств международного стимулирования правомерного поведения;

- формирование глобальной иерархии правовых норм, в которой высшую ступень займут «основные нормы» глобального права (права народов), принимаемые глобальным голосованием на базе общественных инициатив глобальных объединений (движений) активистов, религиозных объединений посредством общественных опросов, голосований в глобальной сети Интернет («глобальной поддержки») с последующим их утверждением (одобрением) парламентами государств, их союзов или объединений, а также путем включения в них признанных норм и положений международного права;

- эволюция существующих государств за счет делегирования части законодательных полномочий создаваемым ими органам наднационального управления с сохранением за государствами функций законотворчества, правоприменения, исполнительных и судебных полномочий на национальном уровне (глобальный транзит суверенитета);

- формирование глобальной судебной системы в виде системы высших международных апелляционных судов с передачей им государствами полномочий высших судебных инстанций по отношению к национальным судам;

- возникновение вертикальной модели сдержек и противовесов между глобализованной законодательной и распределенной исполнительной властью, которая обеспечит реализацию суверенитета глобального общества (глобального суверенитета), позволит защитить национальные интересы отдельных народов, создаст надежные механизмы противодействия глобальной узурпации;

- деритуализация и, как следствие, деbüroкратизация социального управления, отказ от форм ритуального насилия над обществом со стороны государств;

- развитие демократии и равноправного диалога (народной дипломатии) в глобальном обществе с использованием электронной коммуникации, гарантируемых нормами глобального права.

По сути, можно говорить о влиянии глобализации на эволюцию принципов разделения властей и системы сдержек и противовесов, предложенных Дж. Локком и Ш.-Л. Монтескье, недостатками которых было отсутствие действенных гарантий от узурпации власти исполнительными органами. Такие гарантии до сих пор основывались исключительно на способности народов противостоять попыткам узурпаций различными средствами, вплоть до вооруженных восстаний. Реализация конструкции передачи высшей законодательной и судебной властей на глобальный наднациональный уровень (глобальный транзит суверенитета) позволит создать мощный вертикальный противовес для возможных попыток узурпации, традиционно исходящих от органов исполнительной власти, желающих изменить законы для своей выгоды. Сохранение функций исполнительной власти на децентрализованном национально-государственном уровне защитит глобализованную законодательную и судебную власти от возможного давления и узурпаций. Усилий отдельных национальных правительств будет явно недостаточно, чтобы менять нормы глобального права и влиять на решения высших судов. Такая вертикальная модель сдержек и противовесов позволит навсегда поставить исполнительную власть под законодательный и судебный контроль единого суверенного общества. Сохранение института государства на нацио-

нальном уровне крайне важно, поскольку его упразднение откроет прямой путь к созданию глобального супергосударства с властными и принудительными механизмами глобального уровня, что создаст угрозу глобальной узурпации и тирании самого ужасного характера.

Главным гарантом прав и свобод человека остается право, глобальный, наднациональный уровень которого (право народов, «основные нормы») обязан быть квинтэссенцией человеческой нравственности. Только подчинение государства высшему нравственному закону, выраженному в нормах права, и подконтрольность независимому суду, руководимому этим нравственным законом, позволит достичь давней мечты правоведов о его нравственном характере.

Данная модель является окончательным воплощением принципа «верховенства (господства) права» как глобального механизма социального регулирования, когда, словами Генерального секретаря ООН, «все лица, организации и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека» [48, с. 5]. При таком подходе верховенство (господство) права гарантируется его всеобъемлемостью, универсальностью и независимостью от воли администрации отдельных государств и политиков.

Уже сейчас крайне важно на глобальном уровне сформулировать единые принципы права. Так, в прошлом тысячелетии правом считалось следование духовным законам и религиозной традиции. Однако у разных цивилизаций, как и в разных религиях, понятия «право» и «правосознание» существенно различались. Надо отметить, что сталкивались эти цивилизации нечасто, главным образом на полях сражений. Сегодня, в условиях глобального общества, миру необходим консенсус по вопросу об основополагающих принципах права. Ключевыми факторами, влияющими на необходимость принятия норм глобального права (права народов), можно назвать правовую неурегулированность процессов освоения кибернетического и космического пространств, активно идущих в настоящее время. Данная ситуация сродни эпохе Великих географических открытий XV–XVI вв., когда интересы ведущих держав сталкивались при освоении Мирового океана и колонизации заморских территорий. Подобное положение напоминает всемирную олимпиаду с отсутствием единых правил состязаний. Такое состояние недопустимо, как и глобальный конфликт по этому поводу в существующих условиях.

Единство и определенность права необходимы и для регулирования вопросов взаимодействия человека с искусственным интеллектом, который в отсутствие основ человеческой нравственности нуждается в формализованных руководящих принципах и началах работы. Такое взаимодействие будет носить повсеместный, глобальный характер и не может быть воплощением несовершенства законов и узаконенного произвола.

Наряду с созданием глобального права и высшего правосудия основным контуром будущего послеполитического мира являются возникающие сегодня общественные форумы и глобальные движения активистов в сфере защиты прав человека и окружающей среды как наиболее важных вопросов человечества. Это прообраз глобальных партий будущего, способных со временем заменить существующие национальные политические партии и движения во всем мире, стать инициаторами принятия обществом «основных норм», глобальных законов того самого права народов, о которых говорили И. Кант, Г. Кельзен, Ю. Хабермас, принимаемых всеми в перспективе каждого. Механизмом их принятия будут как хартии данных движений, поддержанные и разделяемые большинством населения планеты, так и результаты инициированных ими глобальных опросов (голосований) населения Земли в сети Интернет по значимым проблемам жизни и развития человечества, решения по которым должны будут одобряться, признаваться, применяться и учитываться органами власти, национальными и наднациональными, по всему миру. Правильными были бы разработка механизмов аккредитации таких глобальных движений при ООН и проведение ООН подобных глобальных опросов, голосований по инициативе глобальных движений, с подсчетом и официальным утверждением их результатов специальной международной комиссией из представителей национальных правительств.

Процесс перетока законодательных полномочий от национальных государств к наднациональным органам, обеспечивающим глобальное народовластие в виде глобальных электронных голосований (глобальный транзит суверенитета), должен быть постепенным и поэтапным. На первой стадии под эгидой ООН необходимо сформировать планетарную конституцию, включающую действующую Всеобщую декларацию прав человека, дополненную правом на свободу доступа и свободное выражение мнений в Интернете, участие в глобальных голосованиях, а также принять основные глобальные законы (кодексы) в наиболее важных отраслях жизни общества: экологии, торговле, финансах, медицине, образовании, обмене информацией. Данные акты

должны быть одобрены национальными парламентами или большинством граждан стран на все-народном голосовании и только после этого стать законной высшей надстройкой над национальным правом – правом народов.

Вторым этапом будет становление глобальной системы онлайн-голосований под эгидой наднационального органа в сфере реализации прав населения на народовластие. Инициаторами повестки таких голосований должны быть сами граждане, их общественные и религиозные движения и объединения, действующие путем формирования и поддержки онлайн-петиций.

Право народов образует глобальную правовую надстройку над системами международного и национального права, создаст своеобразную конституцию человечества, имеющую высшую силу и прямое действие на всем периметре обитания людей, в ближайшем будущем не ограниченном нашей планетой. Именно скорый выход деятельности людей за пределы земной поверхности станет стимулом к окончательной глобализации и потребует единых правовых норм для применения людьми на Земле и за ее пределами.

Иными словами, нас ждет будущее, которое – не ждет.

Ссылки:

1. Измествьев С.В. Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития. 2020. № 7. С. 63–72. <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.7.11>.
2. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру : пер. с нем. М., 2011. 127 с.
3. Измествьев С.В. Глобальная революция и «ритуальное» государство // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9. С. 51–59. <https://doi.org/10.24158/tpor.2020.9.8>.
4. Там же.
5. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева. М., 2019. 501 с.
6. Там же. С. 72.
7. Шмитт К. Политическая теология : пер. с нем. М., 2000. 335 с.
8. Джессоп Б. Указ. соч. С. 75.
9. Боден Ж. Шесть книг о государстве : пер. с фр. // Антология мировой правовой мысли : сборник. В 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 688–695.
10. Там же.
11. L'état c'est moi // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. СПб., 1890–1907. Т. XVIIa. 1896. С. 600.
12. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб., 2015. 542 с.
13. Там же. С. 72.
14. Там же. С. 77.
15. Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 6 т. М., 1963–1966. Т. 6. С. 257–311.
16. Кельзен Г. Указ. соч. С. 407–408.
17. Там же. С. 397.
18. Там же. С. 404.
19. Там же. С. 418.
20. Кант И. К вечному миру ...
21. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории : пер. с нем. СПб., 2001. 417 с.
22. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Сочинения. Т. 4, ч. 2. С. 59–106.
23. Джессоп Б. Указ. соч. С. 75.
24. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.03.2021).
25. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт-на-Майне, 1968. 63 с.
26. Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа : монография. М., 2019. 184 с.
27. Там же. С. 79.
28. Там же. С. 56.
29. Там же. С. 8.
30. Кант И. О поговорке ... С. 103.
31. Сысоев Т. Стив Фуллер: «"Государство 2.0" будет киборгом, но человек все равно останется неотъемлемой частью политического процесса» // Эксперт. 2020. № 48. С. 54–59.
32. Клаузевиц К. О войне. М., 2007. 864 с.
33. Там же.
34. Кант И. К вечному миру ...
35. Эллсберг Д. Машина Судного дня: откровения разработчика плана ядерной войны / пер. с англ. В.М. Ионова. М., 2018. 764 с.
36. Сахаров А.Д. Указ. соч.
37. Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск, 1995. 507 с.
38. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека // Новый мир. 1971. № 10. С. 193–213.
39. Maslow A.H. Motivation and Personality. N. Y., 1954. 411 p.
40. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.
41. Джессоп Б. Указ. соч. С. 376–378.
42. Hamel G., Zanini M. Humanocracy: Creating Organizations as Amazing as the People inside Them. Boston, 2020. 368 p.
43. Сысоев Т. Указ. соч.
44. Джессоп Б. Указ. соч. С. 252.
45. Сысоев Т. Указ. соч.

46. Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Екатеринбург; М., 2013. 239 с.
47. Илон Маск: «Марс – свободная планета, там не действуют законы Земли» [Электронный ресурс] // Блог компании Selectel. 2020. 31 окт. URL: <https://habr.com/ru/company/selectel/blog/525962> (дата обращения: 03.03.2021).
48. Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах [Электронный ресурс] : доклад Генерального секретаря ООН от 23 авг. 2004 г. № S/2004/616. Гл. III. Создание общего понятийного аппарата в области правосудия для ООН // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2004/616> (дата обращения: 03.03.2021).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Ханмамедова Виктория Рамизовна